

Книжная серия
«АВАНГРАНДЫ»

**СЕРГЕЙ
ПОПОВ**

АЗБУКА БУКИ

КНИГА СТИХОВ

Издательство
Евгения Степанова

2017

Попов С.

АЗБУКА БУКИ

М.: Издательство Евгения Степанова, 2017 – 88 с.

ISBN 978-5-91865-475-0

Новую книгу Сергея Попова составили стихи, написанные в последние годы. Некоторые произведения публиковались в российской и зарубежной периодике, многие печатаются впервые.

© Попов С., 2017

© Попов И., фото на обложке, 2017

© Издательство Евгения Степанова, оригинал-макет,
вёрстка, 2017

© Климов В. М., название серии, 2015

* * *

Пустьяки, что сбудется зима —
снежная, надёжная, большая —
и взамен скупого урожая
холодом наполнит закрома.

Все хлеба уже испечены,
и вино уже перебродило.
И смурной куражится водила
на развилках сумрачной страны.

Мимо элеваторов, токов,
окоёмов озими да пашен —
проливным дождём полузакрашен,
путь лежит непрям и бестолков.

Это стрелка истово спешит,
это воздух, волглый и прогорклый,
размывает кручи да пригорки,
дождевыми стрелами прошит.

То зернохранилища спина,
то крыльцо разрушенной пекарни,
то винцом загруженные парни —
вот и вся вечерняя страна.

Но пока окрест черным-черно,
мчит УАЗ, грядёт похолоданье.
У водилы важное задание.
И ему отсрочки не дано.

* * *

Север до заречных заимок
распушил ночные крыла.
От побед в наездах взаимных
вся зима как сажа бела.

Лепота под праздники вроде,
а башка забита былъём
на заочневшей природе
в корпусах с казённым бельём.

Здесь в чести чифирь-сигарета —
предрассветный ярый набор.
И занятно видеть до света
кочевые звёзды в упор.

Рядом Вакха песни да пляски,
записной Эрот у ворот.
Но гетеры местной закваски
не сулят соплям окорот.

И ни алкогольная кома,
ни крутой восторг во плоти
по прямой наводке профкома
не красны добром впереди.

Спозаранку холод во благо!
На губах недолог снежок —
был да сплыл в кашне за два шага —
лишь заварки гложет ожог.

Темнота линована светом.
Берега в морозной пыли.
Свято место пусто, но в этом
всё течение здешней земли.

* * *

Крашенная барышня в авто.
Бешеная радуга в очах.
Скорость — всё. Сознание — ничто.
Есть педаль, баранка и рычаг.

Есть невроз, мигрень и аднексит.
И мороз по коже от удач.
И опасность в воздухе висит —
хоть гони неистово, хоть плачь.

От неё никак не убежать.
Хоть куда рычаг переключи —
пламенеют жуть и благодать —
не сгорает радуга в ночи.

Хоть куда баранку поверни —
впереди одна и та же ночь.
Но сигналят встречные огни:
понапрасну тачку не курочь.

Понапрасну душу не трави —
дорожает к осени бензин —
при бесценной к скорости любви
не оценишь новых лет и зим.

В нынешнюю канешь колею,
в темноте растаешь без труда...
Но «люблю, люблю, люблю, люблю»
шепчет вертихвостка в никуда.

* * *

Передают, что там снегопады ныне.
Завалило машины по крыши — стоят кто где.
Вижу, как в приоткрытой смолишь кабине —
«Данхилл» всегда выручал в беде.

Всё заросло белизной, затонуло в нетях —
не различить, не вычертить на снегу
марево этих лет, оголтелых историй этих,
эту повадку жить через не могу.

Дорогой никотин — утешитель по всем вопросам —
с лобового в ответ подмигнёт невзначай стекла
записная курильщица с профилем вдрызг раскосым,
что привыкла закусывать удила.

Служба спасения в срок расчехлит лопаты
и расчехвостит всех, кто прошлёпал с утра прогноз —
сами кругом в проблемах и виноваты —
граждане нынче наружу не кажут нос.

Сожалеешь, согласна двумя руками —
если б не служба, сидела бы на печи
да изучала какого-нибудь Мураками —
русскоязычного в доме ищи-свищи.

И ни звонков, ни скайпов негож излишек —
хватит тянуть бесконечно кота за хвост
и толковать, что в стране дураков и вышек
всё нескладуха да гульбище в полный рост.

И не спасёт никто от любой засады —
в снежном ли, в ледяном плену —
чем не богаты, тем беспросветно рады...
Не окликайте прожитую страну.

* * *

Множитель взглядов искоса, слов не в масть,
спорщик о том, что ранее с ним стряслось,
как угораздило напрочь не запропасть
небо коптившего с благообразьем врозь,
как раскурить отсыревший к утру табак,
определить по запахам, где жильё,
палкой отбиться от своры лесных собак
и поселковое перехитрить жульё,
за полбутылки клёвый сыскать ночлег,
местных простушек перешерстить набор,
присочинить, что есть тебе оберег —
яшма-усмешка с южноуральских гор,
где в шлакоблочных днях, кочевых ночах
накоротке со спиртом да чифирём
чуть было вовсе вскорости не зачах,
вдрызг обрубаясь разве что к четырёх.
А миновав обмерку пред пушим сном,
верку ли, клавику холить до холодов,
видеть, как снег срывается, невесом,
воображать, что ты ко всему готов.
Может, лишь эта робкая полумгла,
заполонив некопанный огород,
что-то ещё и впрямь обелить могла,
но не судьба от вышних прожить щедрот.

* * *

Клеймён ленцой позднесоветской
районный прежде городочек —
звонком, рассылкой, эсэмэской
среди рытвин тешится и кочек.

Перекаляется мобильный,
переполняется гранёный.
Одoleвает мрак могильный —
околевает сброд районный.

И в никуда частят гудочки —
ведь все доподлинно на связи.
Ползут снега, чернеют почки,
цветы случаются из грязи.

И по оврагам, по пригоркам
не умолкают позывные —
сигналам в воздухе прогорклом
тесны значения земные.

И заводской пронзая остов —
жестянка-жизнь вокруг другая —
гуляют волны вдоль погоста,
ничьих ушей не достигая.

И словно пальцами ничьими
какой-то общий набран номер,
и в телефонной книжке имя
одно на всех, кто жив и помер.

* * *

Снег подымает веки и смотрит в оба,
как божий день неохотно встаёт из гроба
выцветшей ночи, постылой речи, вчерашней смуты.
И по глазастому снегу текут минуты.
И высыхают, как чьи-то блажные слёзы.
Нынче опять вернулись в страну морозы —
время искрит над весями и лесами,
переливаясь слёзными голосами.
И неподвижный воздух припаян к небу,
словно язык — к воспалённому речью нёбу,
розноголосому времени на потребу,
льдистою пылью въевшемуся в утробу.
Эти глаза из снега, из дыма уши —
альфа ли и омега несметной суши,
где гробовой химерой вся кровь мутилась,
но принималась мерой лишь божья милость?

* * *

Л. С.

Сумочка в частую крапину.
Беличьей шубки разлёт.
Слушала, помнится, Апину.
Знала всё-всё наперёд.

Честные-честные с искрами
до помрачения жгли...
Как обожается исстари,
что растворилось вдали!

Фортели за полночь, в чёрную
кровь загонявшие муть.
Дёрганья крашеной чёлкою, —
«Перечеркни и забудь».

Давешней песенки каверза,
полузабвения мга.
Нерастворимого абриса
выкройка вся недолга —

росчерки смеха и вызова
в крапчатом брезжут снегу,
дамского шлягера сызнава
опровергая пургу.

* * *

«Главное, по возможности без истерики», —
думалось под перестуки «Эрики».
Ражий муж на любовника ополчался.
Заказной сценарий не получался.

«Обзаводиться не торопись конвойными».
Все под копирку — лихие обиды с войнами.
Всякая кровь на себя навлекает нож.
Что с этой жизни судорожной возьмёшь?

«Не увлекайся походя междометьями».
Что восторгаться теми, гнушаться этими
продолженьями линий сюжетных вчуже?
В их кривизну вписаться слабо снаружи.

Яро летит развязка к подножью креслица.
Если когда что кажется — сразу крестятся.
Блазнится, блазнится замысла плоть и кровь.
Но продолжаешь впотьмах мутоту молоть.

«Ты у меня крещёный?»— вглядывалась вдруг заново.
Звёзды бледнели, в окне занималось зарево.
От пишмашинки до телефона всего полшага.
Только тебе дороже теперь бумага.

Белые те поля атакуешь сызнава,
не замечая рассветного неба сизого.
В прошлых баталиях задним числом умён,
дробью отвечаешь бликам любых времён.

Пляшут фаланги без памяти и зазрения,
о совпаденья не раясь и повторения
в жерлах сражений, жжениях за грудиной,
раже напрасных жертв на стезе единой.

* * *

Является март в отдалённый район,
дымится фольга теплотрассы.
К последнему выхлопу приговорён,
свои не сдаёт прибамбасы
игривый морозец, привязчивый хмель
ушедших под трубопроводы земель.

Панельный удел, шлакоблочный уют
да зависть бомжам и бомжихам
до судного дня отоспаться дают
в запаянном логове тихом.
И снятся с устатку сума и тюрьма,
сводящие в общую зиму с ума.

Стучится в стекло, но не может сюда
сквозь мгу и мороку пробиться
грядущего дня дождевая вода,
забвения редкая птица.
И в банке прозрачной невзрачного сна
живьём заспиртована эта весна.

Улыбчивой жизни чудной экспонат
стоит в головах для остратки.
Одними тире между цифрами дат
кончаются глупые сказки.
Но тёмная кровь, уходя по трубе,
теплом утоляет печаль о тебе.

* * *

Время идёт по верхам и вбок.
Кроны режут навзрыд.
Всё образуется, видит бог,
с пением аонид,
с опровержением немоты,
с опереженьем тьмы.
Прикорневые дрожат кроты,
трудят свои умы.
Что за умение — вкривь да вкось —
а по-иному — нет?
Всё, что горит, оторви да брось
в жерло ушедших лет.
Там, где подземный гудит костёр
и от слезы рябит,
страх меж кореньями распростёр
нити своих орбит.
Что за несносный на небе рёв?
Кто это, озверев,
выполнил временем до краёв
всю высоту деревьев?
И притаясь в языках огня,
уничтожал дотла?
И кривизну что казну храня,
правил свои дела?
«Всё образуется. — говорил,
точно слепец какой. —
Слову не надобно стрел и крыл,
лишь до поры — покой.
Речь — это лава, а не слова —
в том она вся и есть —
хоть на разрыв голосит листва,
хоть выгорает шерсть».

* * *

Она говорила «спасибо»
по делу, без дела — всегда.
И делала это красиво,
заманчиво — просто беда.

Дразнили бедовые очи —
такой от природы покрой.
И вся благодарность, короче,
казалась подначкой порой.

Издёвкой, игрушкой, насмешкой,
крепчающей день ото дня —
орлом ли уляжется, решкой —
а ты не забудешь меня.

Ни денег она не просила,
ни краткого счастья взаимы —
искрилась летучая сила
на иглах ресничной каймы.

И то ль подозрение грело,
что это и впрямь не прикол?..
Но спорилось страшное дело
прилаживать к жизни глагол.

* * *

по-над потерями значений
и неигранием ролей
перегорают свет вечерний
и ночь проводит параллель

с успенской тьмой убытком зренья
утратой тела и ума
значений сохлые коренья
скрывает сохнущая тьма

и веток перистая стая
полна игрою ролевой
из ниоткуда вырастая
над беспросветной головой

мой милый мрак незрячий посох
перемещенье в никуда
в очах невидящих раскосых
слепая теплится звезда

и нет как нет того что было
в небесный впериваясь ил
не различаешь в недрах ила
места подсветок и светил

и есть как есть в сухом остатке
коренья ил незримый бог
смешны значенья взятки гладки
известны роли назубок.

* * *

Блеск тоскливый мартовского ледка
вольнлюбца сходу уводит вбок.
Твердь кругом рассыпчата и легка,
и прозрачней воздуха, видит бог.

В порошок стирается ледяной
под лихими подошвами храбреца.
И ничто никак ничему виной —
всюду только пройденного пыльца.

На ветру раскручивается, искрясь,
по сетчатке чертит бог знает что
позднезимняя пелена и грязь,
изжитого времени решето.

Наконец-то с ним разошлись пути —
только сеется ветровой снежок,
безобидный и никакой почти —
где он, прошлого холодной ожог.

Вся тоска лукава и такова,
что обратным зреньем слепца дарит.
Не болит бедовая голова,
если снова путь в никуда открыт.

* * *

Что за манера кричать во сне,
тряпки выкидывать по весне,
по бездорожью шататься всласть,
взять и до осени запропасть?
Вдруг объявиться, затеять пир,
пасть на кушетку без задних ног,
старые сны засмотреть до дыр.
И не отчаяться, видит бог.
Шарит луна по твоим лесам,
блики крадутся по волосам.
И занимается над тобой
пламень забвения, невесом.
Прежние люди идут гурьбой,
переполняют собою сон,
всё норовят отворить сезам —
всё по глазам прочитать как есть —
бомж, негодяй, утешитель вдов.
Только куда им такая честь.
Сочен рассвет и почти бордов.
Ты неумытая наяву.
Ставить ли пришлое во главу
снятого за гроши угла?
Я здесь работаю и живу.
Скоро рассеется эта мгла.

* * *

Любил заглавные на синем
и над любимым обмирал
в кармане внутренним носимым
одеколоном «Адмирал».

Лишь эти буквы жизни новой
на небе утренней тоски
и были в азбуке хреновой
ясней оставшихся близки.

И с дикой оптикой кумара
не примирялся ни рожна:
не этикетка и не тара —
соль оживления важна.

И затяжной глоток как море
в горсти невидимого дна,
чтоб стала явственно и вскоре
вся рябь рассветная видна.

И хрень парадная в петлицах,
и волн прибрежных чехарда,
и синева на встречных лицах,
бог весть нацеленных куда.

* * *

Коль во сне зацапаешь егозу,
лгавшую на голубом глазу —
потускнеют чёрные небеса,
чтоб наглей сверкали её глаза.
Чтоб швырялись жёлтым огнём зрачки,
грудь ходила часто и горячо,
а кометы чуть ли не у щеки
перемахивали через плечо.
Сколь по жизни сдуру не егози,
а светила — как ни крути — вблизи.
Это злая девочка подтвердит,
маякуя мёртвым своим глазком —
перевёртыш, оборотень, троглодит
с кровожадным приторным языком.
Тьма слюны рассеяна между звёзд,
отражений призрачных ягодиц.
Кто ловил судьбу за кометный хвост,
знать не знал воздушных её границ.
Растворился, то есть пустился в пляс
по кромешным весям, нестрашным снам —
никакой проблемы, что свет погас —
о вселенских ваттах вопрос не к нам.
Пусть горят, сверкают, играют вне
поля зрения, мимо нейронных дуг
в световом поту, в теневой волне,
не умея выбрать одно их двух.

* * *

Он приговаривает: «Ерунда».
И расцветает над ним звезда,
зыбкая как вода.

«Всё,— сообщает он, — ничего.
За исключением одного —
страшно всего.

Зыбкой звезды в кочевой ночи.
Двери, где стопорятся ключи.
Сна, что ищи-свищи.

Право, причина не знаю где —
будто ключи глубоко в воде —
отблески их везде».

Звёздная пыль в никуда спешит,
словно течение судьбу решит.
Временем свет прошит.

Выйдешь во двор — и над крышей рябь.
Чёрным — под крышей его окно.
Перекури, воротник ослабь —
если решения не дано.

Побестолковься в пустых дворах,
чтоб рассмешил ширпотребный страх
вдрызг на семи ветрах.

И укротила вода свой бег
там, где гнездится подзвёздный смех.
И не грозит ночлег.

На ерунду не держи души —
что её без толку кантовать.
Вещи безвременья хороши:
лавка сподручнее, чем кровать.

* * *

Снежок нечаянный пасхальный.
Переговоры ни о чём.
Твой ангел, гневный и нахальный,
за левым мечется плечом.

Чем ближе к ночи, тем крошечней
его предпраздничная прыть
категоричностью нездешней
с плеча без устали рубить.

И накануне воскресенья,
негодования полна,
в честь вероятного спасенья
восходит юная луна.

Её презрительной подсветкой
курносый профиль окаймлён,
с прищуром злым, с усмешкой едкой,
с неустойчивостью гулён.

Чуть не по-ангельски летучи,
черны лукавые черты —
всё помрачения да тучи,
а свет сквозит из темноты.

И если всё, что накануне
впотьмах катилось кувырком,
предстанет светом, канет втуне —
о чём ты нынче и о ком?

* * *

Голубятни тающего города.
Окна слуховые на торцах.
Птичьего предмартовского голода
горловая свежая пыльца.

Пальцы сводит. Кровли водосточные
подставляют мятые бока.
Новости летят ближневосточные,
поражая цель наверняка.

И вразброс все скрипы, лязги, шорохи,
колкая угрюмая капель
в пасмурном свиногриппозном мороке
несколько простуженных недель.

Право дело, видится как слышится:
в переплёске — волнорез крыла.
Мытарю прописная ижица
лишь вначале буквою была.

Сызмальства раскачивая дворики,
позднезимье, связки разогрев,
обаянье собственной риторики
чует лишь по скрежету дерев.

И одно безлиственное кружево —
вся до капли подать бытия,
чтобы вновь, бедна, но не разрушена,
воскресала азбука твоя.

* * *

Время стремится в точку. Его глаза
точно у девушки, что уступает всё ж —
сгусток безумья, света разрыв-гроза,
скомканный разом мнившегося чертёж.

Девочка с яблоком, пыль в голубом глазу
ласково так шептавшего: «Ничего.
Мы уплываем ввысь. Далеко внизу
всей суеты бодяга и баловство.

Яблоку смерть — надкушенным не бывать.
Облаку грех — откушавших не принять.
Если на листьях страха лоснится падь —
веки прикрой, откинь на затылок прядь.

Ты превратишься в точку, пройдёшь насквозь
все словеса и веси, дела и дни.
Ветви да листья все оторви да брось
и лишь потом в истекшее загляни.

Там, где шумели яблочные леса,
дым ожидания стыл, восходила блажь,
славно гуляет сбывшегося коса,
преображая помнящийся пейзаж.

Так не держи минувшего в голове,
как и в груди грядущего не держи —
будто и впрямь возможностей только две,
а остальное — очарованье лжи».

* * *

Он сигаретные пачки мнёт,
мачо себя безутешно мнит.
Но избегает смотреть вперёд,
будто для глаз позади магнит.
Будто вчерашний не тает снег,
дрожь обожания — навсегда,
женский воистину вечен смех —
и никакого на то труда.
И не плошает натужный шик —
проседь мастит дорогой парфюм.
Всё он уладит, сведёт, решит —
план обольщенья пронижет ум.
Чтоб не грозила теперь и впредь
весть об отмене его времён,
он собирается умереть,
пламенем молодости спалён,
или в окрестностях пустоты
жить на кромешном накале жил —
клятвы и яростные цветы
он у бессмертия одолжил.

* * *

Мартовский дождь умножает печали —
нужно вычёркивать из записной...
Присно весна наступает в Аиде,
но не в своём победительном виде —
в мареве сумрачном, в робком начале...
В царстве живых пробирает весной.

* * *

Небо упало на город — и вот
в детскую комнату новый привод.

Лужи втянули в себя облака.
Дата и подпись, что в курсе УК.

Где воробьиная куча мала,
белыми нитками шиты дела.

И дыроколом пробита до дна,
синяя высь под ногами видна.

Это апрель. Это старый район.
Серая наледь советских времён.

Белое облако. Детская спесь.
Бланк протокола закончился весь.

Дата и подпись. Теперь навсегда —
синяя, полная небом вода.

Зыбкий околыш в проточной воде.
Это потом — никогда и нигде.

Но участковый окрестных небес
шествует времени наперерез.

И продолжает во сне протокол:
время — ничто, если дело — глагол.

* * *

Смазливый день раскинет створки,
и обольстительно сверкнут
остроколенные пригорки
и жерла рухнувших запруд.

И ожидания накала
набухшей соками травы
уже решительно немало
для окаянной головы.

В затонах слизи и боязни
мерцают радости язи.
Сомнений трепетные казни
теперь совсем уже вблизи.

Лучи пронзают ил и глину,
и пламенеющий раствор
уже в крови наполовину —
и с прошлым кончен разговор.

* * *

Снег по апрелю и маю.
Лета не будет у нас.
Только одно понимаю —
этот запомнится раз.

Частые эти налёты
в дальний район до утра.
Не загружайся — ну что ты —
с чувством глядеть во вчера.

Словно в стеклянную колбу
заключены времена —
благо резвиться глаголу
в отблеске склянки сполна.

Силиться в область цветений
выбраться через стекло.
Снежные вихри и тени —
эко к весне занесло.

Ломкая наледь сезона.
Злой климатический бред.
Блазнится солнце спросонок —
скоро сто лет как в обед.

Вот обурела природа
сны и значенья плести —
год беспощадней от года
ветер сквозит до кости.

* * *

Как ни горяч ночной Арей
пространства множить именные,
день поджидает у дверей
и в дали целится иные.

Его прицел объемлет враз
моря, предгорья и пустыни
без искажений и прикрас,
преобладающих донине.

Вольготно прелести и лжи
за гранью зрения таиться,
и световые рубежи —
одна отрада очевидца.

Что за божественная блажь —
канун оптического чуда,
когда всеобщий раскарадаш
восходит в плоть из ниоткуда!

Пусть всё идёт не по уму —
ничем не вылечит Асклепий
ни этот свет, ни эту тьму
от их сквозных великолепий.

* * *

Штормовая майская погода.
Полузатонувшие дома.
Воротившись ночью из похода,
сходишь от бессонницы с ума.

Может статься, это новолунья
головокружительный накат.
Или правдолюбца и лгунья
громоздит рулады наугад.

Сколько можно? Как снести такое?
И за что вся эта благодать?
Если присно грезить о покое —
до успенья счастья не видать.

Неисповедимые вопросы
о глубоководном смысле сна
огоньками злобной папиросы
божия трассирует блесна.

Это никотиновое море —
лишь терпи да истово потей —
без остатка выплеснется вскоре
на берег искрящих новостей.

Там ничуть не яблони и груши,
потому как море — не река.
Всё ошеломительней и глуше
тонут в нём дома и облака.

И молчанье словно стекловата
перепонки мучает сполна —
точно речь до точки виновата
в том, что обесточена луна.

* * *

Переходящий в разряд рыбаков,
горя не знает и трубкой дымит.
И наплевать, что и клёв бестолков,
и на погоду несметно обид.

Переводящий весну на блесну,
кашель курильщика, старческий трёп,
рано по пьяне отходит ко сну.
И наплевать, если телек орёт.

И по экрану торопятся прочь
лучшие рыбы морей и земель.
Но неотступна зелёная ночь,
цепок такого же колера змей.

Видящий сызнава рыбные сны,
силится плыть по течению сна.
И не желает свидетель весны
знать, где его поджидает блесна.

Пусть под водою бушуют сады,
блики портвейна скользят в никуда —
не различима сквозь толщу воды
утренних туч грозовая гряда.

Донные жабры немислимых роз
дышат такой темнотой на ловца,
что не восстать, не достать папирос,
не прихлебнуть напоследок винца.

* * *

Небо расслоилось на созвездья
и пернатой касты мелюзгу.
Грозовые сумерки возмездья
на летейском грянули лугу.

За привычку стебли без разбору
плющить башмаками на свету,
по садам заречья в эту пору
не распознавая темноту.

Речи нет о светопродолженьи
в окруженьи вытопанных трав,
где ведут проплешины саженьи
к берегам харонских переправ.

Но и здесь вода упрямо множит
звёздной мги расклад над головой,
и ничто безбрежным быть не может
кроме птичьей речи круговой.

* * *

беличьей тени немая стрела
в чутком объёме лесного стекла
веток прозрачные жилы
дрожью предутренной живы

не разобьётся стеклянный зверёк
промельк его темноты поперёк
зряшному зрению важен
в кущи из комнатных скважин

среди непроглядной оконной листвы
с флорой и фауной ночи на вы
время колёсная белка
мчится кромешно и мелко

солнца над лесом вот-вот колесо
выкатит нечеловечье лицо
бурую скорую шкурку
отсвет стекольный к окурку

этому нужно случиться затем
чтоб не загнулась одна из систем
чередования яви
вещи очерчивать вправо

но не поймать в световом колесе
резкие сполохи промельки все
лапок рисунок дремучий
по-над полуночной тучей

это сольётся и будет одно
полное свежим и рыжим окно
и ни пощады ни тени
в огненной этой системе.

* * *

Нас веселила сила ветра —
ныряли яблоня и верба
в его предмайскую волну —
хоть и угадывалось верно,
что саду следовать ко дну.

От наливной древесной стали
сквозь время ветви прорастали,
и стыла робкая листва.
И мы прикидывали — та ли,
что и в безвременье жива.

Садилась пена дождевая,
до верных слов не доживая,
и без усилия со дна
была вся божья душевая
до сит отчётливо видна.

Нам открывалось их устройство
и вишни вымокшей геройство,
и вышней страсти правота.
И было нам куда как просто
принять, что истина проста.

Как наши зряшные уроки,
как жизнью выжатые сроки,
листвы юннатовской вода —
шум легкомысленной мороки,
ушедшей в землю без труда.

* * *

Свет занимается дальний,
блики снуют по стеклу.
Чёрный и пирамидальный
тополь уходит во мглу.

Розные и золотые
блёстки скользят в никуда —
как по строкам запятые,
словно слова — ерунда,

словно кромешная ересь —
всё, что темнеет в окне,
и в сотворённом изверясь,
Бог маякует извне.

Словно залог продолженья —
суть не слова и дела,
а световые скольженья,
окон ночных зеркала,

лёгкий наклон тополиный,
длинная тень до угла,
над чернозёмом и глиной
полурассветная мгла,

дрожь ожидания, испуга
лиственный шум угловой,
трассы небесного круга
над колготной головой.

* * *

В крапчатом небе ночном миллион прорех —
если взобраться по спущенному лучу —
то позабудешь в чаще лесной орех,
во поле ветер и во дворце парчу.

Через дырявый купол отвалишь вон —
в поле пульсаров и роковых комет,
гумус чащобный, листвы захолустной звон,
не посвящая в претензий своих предмет.

Вкрадчивый свет свинцовый, дворцовый переворот,
прежнего царства разъятие и чума.
Нужно сполна вкусить от земных щедрот,
чтоб не болеть за напрасный подзол ума.

Не разжимать фаланги, и глядя вниз,
под языком орешек тщеты катать,
несколько выше предполагая приз —
детского зрения звёздную благодать.

* * *

Клёнов оголтелая риторика,
клёкот голубиных площадей —
слабая заправка для историка,
что сиюминутному злодей.

Брешь в оборонительной истерике,
частная прогулка в никуда —
это не открытие Америки
и неинтересная беда.

Сны Эллады, блики Адриатики
Клио не под силу сохранить —
ниоткуда детские солдатики
тянут полупризрачную нить.

Малоутешительные новости
не собьют ветра с косых орбит —
Ариадна, жрица пустяковости,
о переходящем не скорбит.

Лишь одни непрошенные частности
застревают в горле хоть убей —
клёны словно голуби в опасности,
небо безымянных голубей.

* * *

Чёрный день до белой горячки прожит.
И жильцов утюжит, ведёт, корёжит.
А в зрачках торчит гробовой Хичкок,
грузен, стар и лукавоок.

Прямо в душу смотрит, нечистоплотен.
Что за прок от его чумовых полотен —
здесь своим угрёбищам несть числа —
блекнет классик жуткого ремесла.

Здесь они чешуйчатые, злые, летучи.
Наполняют сны, прободают тучи
по краям короткого забытья
облысевших мальчишек для битья.

Эти зрители всей гулевой эпохи
на её излёте куда как плохи —
и мотор бастует, и глаз в слезе,
и на прежней фиги цветут стезе.

Неземной цветок в плотоядной пасти —
дышит Хронос гарью, шампанским «Асти»,
и холодным потом вовсю разит
от вонзивших зенки в его транзит.

Закурить бы «Данхилл» и честь по чести,
как глотали жизнь в этом гиблом месте
с иностранным флёром заснять кино —
будто плёнка с памятью заодно.

Но кружатся ящеры, ржут химеры
в раскадровке счастья вчерашней эры.
Прянь в загранку, вены ли отвори —
стеклотара высохла изнутри.

* * *

Утро приходит сквозь птичью речь
к частым штакетникам здешних дач
радость привадить, беду навлечь
и ничего не решить хоть плачь.

И у подбрюшья июньских туч
тутошний тает в листве Морфей,
радостен и на беду летуч,
вкрадчивых и шепутных кровей.

Щебет во мгле, тополиный пух.
Не умирай — выбирай из двух
необоримых окрестных зол —
сон ни о чём и скупой подзол.

Ересь и сизая кровь с утра,
многоголосие из вчера.
Птичье летучее молоко —
чтобы во сне умирать легко.

Белая, в пенках его, листва.
В воздухе не различить слова.
Кровь сочетается с молоком.
Просто — и пьётся одним глотком.

* * *

На местном небе месяц вышит
неяркой гладью спрехвала.
Дела идут, контора пишет
про окаянные дела.

Про то, что здесь с любого бока
к светилу просто подойти —
и то оно любезно оку,
то, прямо скажем, не ахти.

Скорей не скажем, а запишем
пером безвременья в груди,
что пятна тёмные на рыжем
одни маячат впереди.

Не впереди, а больше с края,
где не срабатывает тьма,
но всё на свете попирая,
в неё влечёт сойти с ума.

И что тогда конторской пыли
налёт на нитках в сургучах?
Перелистали и забыли,
и месяц исподволь зачах.

Полузабвение что дышло —
тому светило и тому.
И время вышито как вышло,
а никогда не по уму.

Достанет ниток да иголок
в неопиcуемой стране.
И свет ледащ. И ветер колок.
И всё окончено вчерне.

И лишь вдали стежки лиловым
рассвета жалует рука.
И кто вначале явлен словом,
светло глядит издалека.

* * *

Прежде чем вымолвить, медлишь который раз —
будто избыток речи тебя слепит,
и на поверку свет состоит из фраз —
точно из ламп и проволочек — софит.

Будто бы слово предполагает зал —
тёмный, с вознёй и кашлем, фольгой конфет —
и если ты, что обязан, во тьму сказал —
там обязательно вспыхнет ответный свет.

Будто бы шёпот, ёрзания, смешки
от сотрясений всевоздушных масс
пухом июньским вспыхивать широки
до холодка по коже и слёз из глаз.

Смотришь в июнь и пристально говоришь:
«Вот и сезон заканчивается речей.
В кои-то годы преобладает тишь —
даром, что кровь пуще прежнего горячей.

К нёбу язык прирастает, мелеет мгла,
зал непомерно ширится в никуда.
Публика всё по глазам прочесть могла,
только её не отыщешь уже следа».

* * *

По центру круги нарезает с утра,
проценты считает по банкам,
где ставки и близко не те, что вчера —
давно переключиваться пора,
но боязно в золоте манком.

Без устали шарит в кармане рука.
Без просыпа брешет канал «РБК»,
какая годится идея,
чтоб ровно дышала душа рысака,
от ужаса не холодея.

Но вдруг накрывает, корёжит, ведёт,
и небо в овчинку маячит —
какой всех и вся подсадил на доход
сугубый чудила, чумной идиот
и что это, господи, значит.

И всласть по щеке растирает кулак
слезу после третьей под пиво.
Спаси, Иисус, заповедуй Аллах —
и славно, что более не при делах
и небо к земле не гневливо.

И ваньку валяй, и маруську вали —
закрыты торги биржевые.
А сколько имён у того, кто вдали
и намертво рядом над жерлом земли,
не проинтуичат живые.

* * *

Летний свет на трещины тороват —
лёгкой тени зубчатые края
разрезают грянувший виноград,
и дробится гроздьев его струя.

На десятки брызг — раскардаш листвы,
жёлтых ягод, жил, кривизны лозы.
И размеры бедствия таковы,
что оно огромней любой слезы.

И восторг, и ужас бессильны там,
где разъятья света ветвится ток,
зной бушует, плещется птичий гам,
выкипает воздуха кипяток.

Прогорает день до глазного дна,
в толще мякоти будущему вину
вся изнанка ночи уже видна
грозovým размером во всю страну.

* * *

Шум в Первомайском драного шапито
перекрывает ропот широких крон.
Пуля за пулей идёт в молоко, в ничто,
шатким животным не нанося урон.

Пенятся листья над шушерой у ларька,
лезут по форточкам ближних к нему квартир.
Жизнь студиозуса, как ни крути, горька —
разве что цирк, шалманчик да старый тир.

Сад оголтелых, но колдовских причуд,
майских претензий выдюжить диамат —
там лишь хвостисту истому по плечу
определить, в чём соль и кто виноват.

Впрочем, ему и прочее нипочём —
всё веселуха перцу, всё до и по —
даром, что предки поедом — стань врачом.
Или завидней гайки крутить в депо?

Чопорный Гегель, яростный Фейербах
машут Асклепию из-за своих словес,
чтобы гороховый нежился на бобах
шут с чумовой воздушкой наперевес.

Чтобы кабан по проволоке скользил,
чтобы ковёрный пьяную тёр слезу,
чтоб и впустую не убывало сил
вышнему шуму радоваться внизу.

* * *

Град срывает крышу, крушит чердак,
разрывает прошлое на куски.
Потому как скрепам цена — пятак:
в щепки, в щепки — тело любой доски.

Душу камня — в прожитое ничто
огневым напором гремучих льдин.
И на дне беды, запахнув пальто,
осушая память, стоишь один.

Гром грохочет, прячет в раскатах смех
над простым намереньем жить в дому,
без небесных замыслов и помех
быть себе строителем одному.

* * *

Если всё на свете принять в расчёт,
время дальше больше не потечёт.

Дальше больше — прямо сейчас и здесь
и оформится скорый фокус весь.

Воплотится жизни чудной почин
в паутину следствий и тьму причин.

И кругом повиснет сплошная сеть,
норовя пожизненно повисеть.

И погаснут в частых ячейках те,
кто светился запросто в темноте.

Потому как всех всё равно не счесть,
чья искрила радость и грела честь.

И на каждый взгляд, и на всякий звук,
осторожный, не претендовал паук.

И расчислить выйдет ли, почему
выходило весело петь во тьму?

* * *

Сад прорастает плоть и кровь
тех, кто в комплоте
с истекшим. Брови не суровь —
лихой пехоте
солдатиков и пауков
быльё что былки.
Миропорядок бестолков —
лишь боль в затылке.
Твои летучие лета
на склоне лета —
прикорневая суета
и сигарета.
В горниле августа и над
окрестной комой
столпотворение монад,
рой насекомых.
Всего того, что истекло,
сплошные блёстки.
Воспламенённое стекло,
развал извёстки.
Развоплощений чехарда,
песка причуда —
сухое русло в никуда
из ниоткуда.

* * *

Берег отменно крут и почти скалист.
И точно щёлочь зла водяная взвесь —
падающий развоплощает лист,
ржавую сушу и огненный август весь.

Как тебя в глушь кромешную занесло?
Что за мотор до жизни такой домчал?
Страхи берут количеством, их число
и образуют дряхлый пустой причал.

Это ведь надо выдумать — смех и грех —
пыль штормовую, ярый накал камней,
прежний расклад, разделанный под орех,
что был всего надёжнее и верней.

Это что неизлечимый невроз у крыс,
с очередного сбегающих корабля.
Как они истово с палубы смотрят вниз —
не испуленья ради, а только забвенья для!

Трюм корабельный, родной изобильный мир —
сытная тьма, настырный моторный гуд,
ящички сладостей с россыпью частых дыр,
полный набор животных дурных причуд.

Неутолимый зов заглянуть в ничто
и затопить сухогрузы безумных лет
в едкой жаре обрывающегося плато,
где занимается развоплощенья свет.

* * *

Он перегружен жизнью свежей,
случайной музыкой в ночи
по-над огнями побережий,
где сны легки и горячи.

Толпой заполнен отпускною,
слабомоторный катерок
неимоверною ценою
морской доматывает срок.

Экскурсионное корыто —
перекорёженный металл —
окрестной моросью покрыто,
и холод люки пропитал.

Но мчит судёнышко к причалам,
валяет чахлую волну.
И дело, в сущности, за малым —
не заглядеться в глубину.

А бестолковиться над чащей
подводных жизнью в никуда,
не оставляя тьмы звучащей,
когда всё прочее — вода.

* * *

Нутро окропив алкоголем,
свободен — хоть смейся, хоть плачь —
идёшь пламенеющим полем
к воде от профкомовских дач.

Там с водкой сидят итээры
и песни гуляют леском,
и солнце бликует без меры
в заходе своём колдовском.

Оно пробирает как водка
и душу до дна пепелит —
огонь со всего околотка
в глаза под завязку залит.

Полны отпускные скрижали
пожаром и свежей золой,
как будто труды приближали
мотивчик отвязный и злой.

И помнить — последнее дело,
что кровь выкипает сполна.
И август гудит оголтело,
и память сожженьем пьяна.

И в топке засиженной поймы
за пляску натруженных жил
плесни, отдыхающий, спой мне
ту песенку, что заслужил.

* * *

Ночь вырастает сразу — во весь размах
прожитой жизни с музыкой и огнями,
счастьем под кожей, лукавым теплом в домах,
вещими снами, подвигами по пьяне.

Вещи теряют контуры, крошатся в порошок,
пылью сплошную ложатся в глазные недра —
и в необъятный рушишься вещмешок,
выданный свыше на добрую память щедро.

И перегружен корпускулами пустот,
бывших кромешным адом, волшебным дымом,
на могучих плечах носителя длишь поход
по осенним весям своим незримым.

Там скудеют ветры, итожатся времена,
произрастает лёд из любви и страха.
И загляденьем обморочным полна,
перемерзает кровь со всего размаха.

* * *

На водохранилище масленных пятен
набор необъятен и глазу приятен.

Там лев забавляется, плавится овен
и множество прочих теснится диковин.

И бьёт рыбарей хоровая икота
от яркой игры нефтяного налёта.

То наглая рыба становится раком,
то деве стрелец циклопический лаком.

То снова — ни зги, то обратно — атака
низвергнутых карикатур зодиака.

Кромешного августа звёздные недра
всё преображают лукаво и щедро.

И матерным шёпотом благоговейно
здесь припоминается эра портвейна,

чтоб одурь потрёпанной временем ряхи
цвела в темноте как эпоха на плахе,

но месяц стальной, от вина хорошея,
не стыл за спиной и не метил, где шея.

* * *

Рассохся к осени сарай —
косой в прогалах свет.
Вороний грай, сплоченья край,
подмога сигарет.
На бреши брешь, куренья блажь,
горение небес.
Везде и всюду раскардаш,
и времени в обрез
к морозам щели извести
и розное скрепить,
когда темно уже к шести
и дождь готов кропить.
А в будке сумрак и сквозняк,
и утварь кверху дном.
И не успеть уже никак,
и мысли об одном —
что как бывшее ни храни,
а скорая зима
разъять твои труды и дни
нагрянет в закрома.
И с топором за рукоять
среди сумерек и льдин
разъятью противостоять
ты выделен один.

* * *

линяет лето без оглядки
с похолодания взятки гладки
тепло под свежим сургучом
переговоров ни о чём
эмэйлы скайпы перезвоны
слова на ветер сетевой
ведь абонент уже вне зоны
вчерашней дружбы с головой

и паузы неудержимо
ненастье множит без нажима
дожди навзрыд ветра вразлёт
и всё известно наперёд
вестимо, что за чёрной тучей
всегда для будущего есть
забвенья обморок летучий
равно прощение и месть

так говорил писатель старый
пока народ бренчал гитарой
ховал в кладовке самиздат
кругом нетрезв и бородат
от спорадической теплыни
изжога спазмы миозит
не проходящие доньне
всё из минувшего сквозит

приходит осень тихой сапой
вино на платъице не капай
и сигареткой не части
теперь воздержанность в чести
не вспоминай и пьялься в оба
и трубку вовремя клади
на плечи долгого озноба
что пламенеет впереди

мой ясноглазый летний кореш
с обрывом связи не поспоришь
как прошлым душу не криви
сургуч сгущается в крови
по зодиаку лев и овен
с небес спускаются к зиме
ни в чём провайдер не виновен
там только прибыль на уме

* * *

Дробный пригород дремлет лицом к стене
леса вросшего в окаменевший ил,
до которого дождь по ночной стерне
прошумит в два счёта среди могил.

Он минует балку, жнивье, погост
и пронижет стену добра и зла,
души мхов, лощин, корневых корост,
отмывая истоиво догола.

Ил залижет раны иных времён,
поплывут стволы под откос воды.
Круговым бессмертием окаймлён,
прах спрячет в топях свои следы.

Будут кроны страшно ходить во тьме
и чертить на воздухе письма
о суме, безумии и тюрьме
по окрестным весям слепого сна.

* * *

Подкормим глаза тауфоном,
загасим причуды зрачков.
Мы жили во времени оном,
не видим теперь без очков.

Оно и сейчас беззатейно
торчит, может быть, во дворе
с початой бутылкой портвейна
по раннеосенней поре.

И что-то хрипит под гитарку
на свой романтический лад,
мешая дремать перестарку
и сдуру вздыхать невпопад

под утро про новую линзу,
оптических дел чудеса...
Но марево сверху и снизу,
и чьи — не понять — голоса.

POST SCRIPTUM

Рисунок в линию косую
от бесконечного дождя
доныне всё не дорисую,
порой до точки доходя.
Кругом всё те же лужи, иже
полны несбывшихся небес —
но те сегодня много ближе
всему и вся в противовес.
Не на физических законах —
на разговорах о душе
замешан ропот законных
ветвей в ненастном кураже.

А дождь, постыл и монотонен,
линует воздух налегке,
покуда спит Сергей Матонин
в писательском особняке.
Ни суток временем, ни датой
не озабочен отставной
модельщик, штатный соглядатай
оказий с печенью больной.
Ах, эти мятые листочки,
стаканы липкие в пыли
и пересуды, что до точки
словесность напрочь довели!

На сером небе — ни прогала.
На серой писчей — ни строки.
Где власть поэтов напрягала,
легко напрягам вопреки —
любое слово невесомо
в своём значении любом.

Но тешит блажь следить бессонно,
к стеклу в ночи прильнувши лбом,
как над шестою частью суши —
ясней видны издалека —
перекочёвывают души
под кучевые облака.

* * *

Вот и осень исподволь подошла,
на лотках закуска подешевела.
В обрамленьи выжатого тепла
кореша теснятся осоловело.

Точно тени зыблются кореша
за летучим маревом паутины —
сигаретка, лавка, стакан ерша —
в летнем отблеске до глотка едины.

Жизнь очнулась в призрачном сентябре —
только тени тянут свои сигарки.
Знамо дело, выигрыш по игре,
по блажной любви ошалевшей парки.

Только сушь бессовестная во рту
от смешенья лиц и смещенья чисел:
кто-то взял и разом подвёл черту —
до забвенья сбывшееся возвысил.

И оно пылает над головой
чистым спиртом яростного заката
за пустою лавкою угловой,
где ножом навек — имена и дата.

Но хороший спирт прогорает вмиг —
и ни дыма зрителям, и ни пепла.
И темно — как будто ватага их
от огня того навсегда ослепла.

* * *

Радуга отлаживает свет.
Небо восстаёт из подземелья.
Осень занимается в ответ
на баклажку буторного зелья.

Ветер вырывает из нутра
пух и прах похожего на жалость —
обожанье завтра и вчера
до сегодня милостиво сжалось.

* * *

Предпочитала правильные слова.
Определяла подборку в журнал «Нева».
Нэповская помада, траурные глаза.
Вскользь доходило, что и теперь жива.

Под фонарём в кругу рассветные мотыли.
Раннеосенние сумеречны леса.
Где-то за дачей прямо из-под земли
произрастала робкая бирюза.

Непоправимый цвет, родниковый лёд.
Пепельных бликов призрачный перелёт.
Ровные грядки, розные ковыли.
Сизая роздымь, первый небесный йод.

Стёртые краски, Питер двадцатых лет,
всё заплывающий исподволь в разговор.
И на какое, споры, купить билет,
и до которых пикироваться пор.

Только явись — и прежняя прянет явь —
лишь на гранит сырой погляди в упор...
Всякое слово Лету осилит вплавь —
только станком печатным его ославь.

Простосердечны русские сентябри —
ослабевают заморозки внутри.
Лишь до утра несбывшемуся потрафь —
да и гори оно, взбалмошное, гори.

Значит, всё правильно, ежели рассвело,
сколько бы холод выкрики не корнал.
И освещенью яростному назло,
по сообщеньям, всё ещё жив журнал.

* * *

Бусины пота на шее горят —
неженка входит во вкус.
Жизнь — это мёртвый кагоровый яд,
рваная нитка от бус.

Бешеный шёпот за совесть и страх:
ну же — ещё и ещё!..
Не отдышаться на первых порах,
но навсегда горячо.

Так, что несчастный дарёный тюльпан
из магазина «Цветы»
на простыню как подкошенный пал
с бог весть какой высоты.

Смерть — это талый фруктовый десерт
после того, чтостряслось
с крайней из ряда чумных непосед,
вкривь норвящих и вкось.

Это — до зеркала, наискосок —
бусы составить с утра.
Ноет под ложечкой, точит висок —
определяться пора.

Белый, лиловый, потом золотой —
так оно было ли до?
Подлое качество, полный отстой.
Может, остатки со льдом?

Про позолоту — не верь никому —
лишь на живую нижи
солнечный обморок, потную тьму,
ужас рассветной межи.

* * *

Ступая засветло на мокрый
асфальт разлуки с головой,
переберёшь кармина с охрой —
ночной микстуры мозговой.

И панорама дождевая
в огнях забвенья по канве
пройдёт насквозь, не задевая
того, что дышит в голове.

Сойдя с ума в ненастье речи,
сосредоточишься всерьёз
на том, что стало много легче
слова отсеивать от слёз.

И проще — охру от кармина,
и слаще — правду от суда,
когда, безумием хранима,
грохочет ярая вода.

* * *

Дальние блики следуют по пятам,
по мостовым пластаются гужевым.
Словно вчерашний воз и поныне там —
и не под силу тягловую живым.

Треплется ветер, трепетен и труслив,
про удила и дуги, про то, что здесь
мёртво копыта в прожитое вросли
и ни к чему рысацкая нынче спесь.

Конский вчерашний гонор, несметный груз
в тесном проулке давешним за углом,
где кособочится, призрачен и кургуз,
медный сентябрь до сдачи в металлолом.

Сбруя листвы на шее сквозных времён
щедро бликует, яростно ест глаза —
из настоящего временно удалён,
пеший безумец пялится в небеса.

Это район под снос и на вынос мозг
так и толкают следовать вниз к реке,
где поджидает в инобережье мост
для безлошадных дуриков налегке.

Сами себе иноходцы и тягачи,
в русскоравнинном истовом кураже
рвутся из осени — только ищи-свищи...
И непонятно, где же они уже.

* * *

Яростный воздух утюжит гортань.
Странно в такую отчаливать рань.

Волны эфира за сизым окном
дрождю стекольной поют об одном:

всё это было, и будет, и бу..
С присвистом всё вылетает трубу

спорого меж берегов катерка —
всё судоходна былая река.

Резкие блики, летейская сталь.
Всё до обидного также как встарь.

Ток в никуда. Загрудинный наждак.
Не обессудь, если что-то не так.

Если сошлось продышать на стекле
реку в порезах и время во мгле.

* * *

И в Петергоф, и в Павловск заносила,
гнала в галоп сквозь парки и дворцы
сплошная блажь, нечаянная сила
глазной чумы и шалой зеленцы.

Лукавый пламень спутницы забытой
по перекрёсткам горя от ума
сквозной любовью, яростной обидой
ложился на картины и тома.

Чай-чифирёк, омлеты за копейки,
гостиниц полуночные ветра.
Свинцом безумья налитые веки
и дурнота под ложечкой с утра.

И сыпались из памяти ночлеги,
когда мелькали Зимний и Нева
в экскурсионном бешеном разбеге,
где пятки в кровь и кругом голова.

И вся в крови, история престола
грудину жгла и выжимала пот,
хотя и проще было бы простого
от лишних отбояриться забот.

Но жизнь вприпрыжку — жуткая отравка:
сезон сознаньем беден и бедов —
катиться влево, пялиться направо —
повсюду свет у кромки холодов.

И всё видны сквозь выходки нахалки
в гостеприимном мире без границ
пакет вина, бутылка минералки
и упаковка павловских яиц.

* * *

вели окрестные печали
через воскресный гастроном
стоять велели на причале
строкой в сценарии дрянном

все эти кадры птиц и ветра
сакраментальная нуда
непотопляемое ретро
осатанелая вода

в непрезентабельном пейзаже
как атрибуты мелодрам
сквозили счастья и пропажи
с грехом и смехом пополам

и на исходе половины
жизнь оставляла на потом
успения сороковины
развилки во поле пустом

и опоздания некстати
и ожидания всерьёз
их пруд пруди в кинопрокате
для режиссёра не вопрос

пустопорожняя надсада
испепеляющая страсть
от мора здешнего и глада
за океаном запропасть

тесны леса поля и реки
ясны тунгус калмык и финн
но на причале человеки
ещё доигрывают фильм

глядят и видят сквозь друг друга
как отраженья шевеля
вся в елисейские округа
переселяется поля.

* * *

Кто оседлал стихию, пьянствует втихаря.
Что его может вышибить из седла?
Жизнь улыбнулась — время ушло не зря.
А сожаленье — пагуба и зола.

День размывается, маревом становясь,
стенки стакана весело проходя —
контуров с явью не очевидна связь —
будто в разгаре бешеного дождя.

И наугад теснятся слова в строке,
радуя сердце призраком правоты,
точно вина вина, что шествует належке,
с брызгами бездн беседующий на ты.

Песнею песнь неведения поправ,
он притворяет вежды и ждёт зимы,
богу любезен и бесповоротно прав,
что ни тюрьмы не кличет и ни сумы.

Волны веселья песенника несут —
будто в награду за умноженье черт —
на пустыри побед, на нестрашный суд,
где до речей не скатится интроверт.

Станет молчать, а вода оплечь — каменеть
и серебриться время по стенкам льда,
дабы по мере слёз отзываться впредь,
если случатся слёзы взамен суда.

* * *

Лучше выращивай кактусы, каланхоэ,
фикусы, флоксы, всяческие бамбуки.
Переходи, душа моя, на сухое
для изучения дома сельхознауки.

Не разумеешь разницы между астрой
и цикламеном в малоцветочном быте?
Но ведь зато научишься быть бесстрастной
и всепрощающей — что уж теперь — живите.

Я ведь и сам не гурман по разряду флоры —
только по части, разве, спиртных диковин.
Не забывай, что в жизни важны повторы.
Если они случаются — я спокоен.

Утром поливка, на ночь стаканчик «Къянти».
Что ещё нужно душе на помин былого?
Не возражай, я тоже настроен анти-
агроцентрично — а вот попомни слово.

Да и курить средь стеблей грешно сверх меры,
припоминать разборки, итожить счёты —
есть же достойные следования примеры —
благочестивы, бестии, до икоты.

Ты различать приладишься честь по чести
с полоборота гортензию от герани.
И со спокойной совестью снова вместе,
будешь бесчинства видеть лишь на экране.

И выступать из ванной ты станешь павой,
чтоб учинить поверку горшков и плошек,
и над картинкой жареной и кровавой
будут сиять герань и халат в горошек.

* * *

Где сумерки загустевали,
листвы туманилась кайма,
мы всё сидели-гостевали,
почти что выжив из ума.

Забыв о выморочном счастье,
стареть с листвою заодно,
не допивали в одночасье
своё последнее вино.

Оно стояло — душу грело,
покуда зрели холода
и в небе лиственном горела
позднеосенняя звезда.

Она пощадой не мешала
впотьмах ни сердцу, ни уму.
И мы оглядывались шало
на окружающую тьму.

Мерцало присное веселье,
метался холод по спине.
Не убывало наше зелье,
и звёзды множились на дне.

* * *

Это всего ничего — до завершения жизни —
едкое вещество сладости и боязни,
вычетов торжество, счёты к чумной отчизне,
точных расчетов блажь, чистый огонь в соблазне.

Омуты юбилеев, отсветы пятилеток,
призрачных счастлих присные наважденья.
Общая участь быть, пытаюсь и так, и этак,
и обращаться в утварь тварного дорожденья.

Соком стоять в корнях, стыть коркою ледяною,
под башмаком вождя течь трещиной в постаменте,
на шелудивое время идти войною...
Это совсем ненадолго — до окончанья смерти.

* * *

Сплошной ноябрь дождями вышит.
Земля всевышнего не слышит
и обращается водой —
тесно в пучине молодой.

Там расцветает чертовщина:
земли расплавленной пучина
ночными токами полна —
черны и солнце, и луна.

Там тени лезут вон из кожи.
И заглянуть себе дороже
в их потаённые тела,
где жизнь напрасная цела.

Там кровь исходит пузырями,
кружит земельными морями,
впадает в жерло холодов
и выкипает без следов.

А бушеваний оболочки
как ямы смотрятся и кочки,
когда от боли зазвенит
морозом схваченный зенит.

Его предел окаменелый —
пустой, предобморочный, белый —
слезоточивых чуждый сит,
всю твердь земную воскресит.

* * *

День на день не приходится больше.
Ночь за ночью не спится сполна.
Переводчица родом из Польши.
Пикировка на все времена.

Речи про посполитские войны.
Плечи шляхетской лепки вблизи.
Пани Мнительность, будьте спокойны —
всё с контекстом у нас на мази.

Этой книги сквозная интрига
точно бранного поля трава —
по краям чужеземного ига
без разбору бушуют слова.

И под утро — не конны, а пеши —
стынут тени на стенах времён.
Из издательства злые депеши
добираются в дальний район.

Но покуда запястье гордячки
цепенеет в кацапской горсти,
ни в цветочной, ни в белой горячке
и дыханья не перевести.

* * *

Вдалеке от центра заподлицо
в лесопарк вколочен дождём с утра,
где трамвайное позаросло кольцо,
громоздишь сравнения на ура.

Под разбухший дёрн, никудышный грунт
увлекает бешеная вода,
где кроты как резанные орут
оттого, что ждут чужака туда.

Разрезаешь время на до и от,
точно речь сравнима с календарём
и всего важней сквозь холодный пот
убедиться всуе, что не умрём.

И напрасен хор земляных зверей
на крови мороки прикорневой,
точно кто нацелился поскорей
напоказ их выставить с головой.

Дабы дождь всех тех, кто и под, и над,
обращал в оборванную листву —
и подземку, пройденную стократ,
и стократ забытую синеву.

* * *

Это всё фанаберия, это
фифти-фифти, была-не была.
Говорят, что плохая примета,
если прежняя сажа бела.

И судачат, что сено-солома —
не подмога на этом пути,
если сроду беспутное слово
за проделки сидит взаперти.

Но и если в раскладах ошибка,
синей птахе не петь искони,
над полями бродяжьего шика
хороши молчаливые дни.

Как и прочие, полные порчи —
и ни зла не хватает, ни слов —
всё мрачней, безоглядней и зорче
шаг за шагом дурной птицелов.

Это гонор, фантазия буки,
белой сажки сквозная печать —
дабы речь без распада на звуки
в позвонках продолжала звучать.

SILENTIUM

За маму, за папу, за деда пихто
пить пятничный воздух, напялив пальто,
тупить, пустоту принимая —
дорога прямая.

Под пасмурным, позднефевральским, стальным
на зависть воронам и всем остальным
для звука немеренно пищи
в его безразмерном жилище.

И если внезапное прянет ау,
то проще простого уйти наяву
в словарное краткое эхо,
как в изморось — вежа.

За брата по голосу и за сестру
стареть до субботы, курить на ветру,
верстая к воскресной надежде
умолкшее прежде.

* * *

Дурной мотор хрипит и воеет,
соляркой харкает, сбоит.
Но если нас в кабине двое —
на том и свет оплечь стоит.

Осклизлой осени подарки —
одни бараки вдоль реки.
Но взгляд простуженной товарки
победен хвори вопреки.

По обе стороны — до неба
одна горелая стерня.
Но неминуема потреба
полёта прочь на склоне дня.

Чернеют баки и комбайны,
колхозом брошенные встарь.
Как ни крути — необычайны
края, где гибнет инвентарь.

Поёт и ноет колымага.
Фырчит и чванится движок.
Он в перебежках до сельмага
не всё горючее дожёт.

И помогает папироска
в кривой усмешке угадать
и блёстки стёршегося лоска,
и близкой ночи благодать.

Ежесезонной разнарядки
поздnezастойные круги
перемещают сердце в пятки
ступившим жить не с той ноги.

Но что им пепельные пятна
по весям прежних лет и зим,
когда становится понятно,
что не закончится бензин.

* * *

Холодком по пригороду влеком,
провождает прожитую жару —
кровь шутя становится молоком
и створаживается к утру.

И до света за полночь распростёрт,
Млечный путь испытывает глупца
напряженьем жил, натяженьем хорд —
нет на путанике лица.

С молока на пухлых его губах,
что обсохло страшно сказать когда,
и слетело пламя во весь размах —
ослепительная беда.

И до нынешних ошалевших звёзд
выжжен воздух к осени ходока,
изловить судьбу за летучий хвост
промахнувшегося слегка.

Но в просохших жилах творожный мел
храбреца отбеливает почти,
что былую кровь отменить посмел
и во тьму войти.

* * *

Воздух предместья его сгубил,
чёрная рябь реки.
Месяц помигивает из глубин
разуму вопреки.

Нравится дурику странный час
перед сплошною тьмой.
Он забавляется всякий раз
и не шустрит домой.

Где-то у пристани заторчит
в сонме своих прорух —
точно кто сверху, многоочит,
высветлит всё вокруг.

Звёздные водоросли стоят
над головой глупца.
Позднего лета плавучий яд
зыблет черты лица.

И на глазном серебрятся дне
блики с другого дна,
где различимая не вполне
кровь тишины видна.

Стебли светил на её пути
местный пронзают ил —
точно пловец различил почти,
что за душой хранил.

* * *

Сквозь разговоры о хорошем
всё безнадежней проступал,
ветвями сбоку огорожен,
ноябрьской роздыми опал.

И ветер жёг и в хвост, и в гриву,
последних листьев не щадя,
слезу-ольху, беднягу-иву
перед порывами дождя.

И средь продрогших сучьев голых
горячей речи вопреки
вода блестела на глаголах
поверх излучины реки.

Стремглав теченьем относила
все сочетанья честных слов
к морозам каверзная сила,
студёный жалуя улов.

Ведь лёгкий пар вблизи, где лица
дыханьем лишь разделены,
за поворотом не продлится —
в природе нет ему длины.

Он весь распят на ветках здешних
и пригвождён дождём к стволам,
чтоб согреть живых и грешных.
С грехом, конечно, пополам.

СОДЕРЖАНИЕ

«Пустяки, что сбудется зима...»	3
«Север до заречных заимок...»	4
«Крашенная барышня в авто...»	5
«Передают, что там снегопады ныне...»	6
«Множитель взглядов искося, слов не в масть...» .	7
«Клеймён ленцой позднесоветской...»	8
«Снег подымает веки и смотрит в оба...»	9
«Сумочка в частую крапину...»	10
«Главное, по возможности без истерики...» ...	11
«Является март в отдалённый район...»	12
«Время идёт по верхам и вбок...»	13
«Она говорила "спасибо"...»	14
«по-над потерями значений...»	15
«Блеск тоскливый мартовского ледка...»	16
«Что за манера кричать во сне...»	17
«Любил заглавные на синем...»	18
«Коль во сне зацапашь егозу...»	19
«Он приговаривает: "Ерунда"...»	20
«Снежок нечаянный пасхальный...»	21
«Голубятни тающего города...»	22
«Время стремится в точку. Его глаза...»	23
«Он сигаретные пачки мнёт...»	24
«Мартовский дождь умножает печали...»	25
«Небо упало на город — и вот...»	26
«Смазливый день раскинет створки...»	27
«Снег по апрелю и маю...»	28
«Как ни горяч ночной Арей...»	29

«Штормовая майская погода...»	30
«Переходящий в разряд рыбаков...»	31
«Небо расслоилось на созвездья...»	32
«беличьей тени немая стрела...»	33
«Нас веселила сила ветра...»	34
«Свет занимается дальний...»	35
«В крапчатом небе ночном миллион прорех...»	36
«Клёнов оголтелая риторика...»	37
«Чёрный день до белой горячки прожит...» ...	38
«Утро приходит сквозь птичью речь...»	39
«На местном небе месяц вышит...»	40
«Прежде чем вымолвить, медлишь который раз...»	42
«По центру круги нарезает с утра...»	43
«Летний свет на трещины тороват...»	44
«Шум в Первомайском драного шапито...» ...	45
«Град срывает крышу, крушит чердак...»	46
«Если всё на свете принять в расчёт...»	47
«Сад прорастает плоть и кровь...»	48
«Берег отменно крут и почти скалист...»	49
«Он перегружен жизнью свежей...»	50
«Нутро окропив алкоголем...»	51
«Ночь вырастает сразу — во весь размах...» ..	52
«На водохранилище масляных пятен...»	53
«Рассохся к осени сарай...»	54
«линяет лето без оглядки...»	55
«Дробный пригород дремлет лицом к стене...»	57
«Подкормим глаза тауфоном...»	58
POST SCRIPTUM	59
«Вот и осень исподволь подошла...»	61

«Радуга отлаживает свет...»	62
«Предпочитала правильные слова...»	63
«Бусины пота на шее горят...»	64
«Ступая засветло на мокрый...»	65
«Дальние блики следуют по пятам...»	66
«Яростный воздух утюжит гортань...»	67
«И в Петергоф, и в Павловск заносила...»	68
«вели окрестные печали...»	69
«Кто оседлал стихию, пьянствует втихаря...» ..	71
«Лучше выращивай кактусы, каланхоэ...»	72
«Где сумерки загустевали...»	73
«Это всего ничего — до завершения жизни...»	74
«Сплошной ноябрь дождями вышит...»	75
«День на день не приходится больше...»	76
«Вдалеке от центра заподлицо...»	77
«Это всё фанаберия, это...»	78
SILENTIUM	79
«Дурной мотор хрипит и воет...»	80
«Холодком по пригороду влеком...»	82
«Воздух предместья его сгубил...»	83
«Сквозь разговоры о хорошем...»	84

Книжная серия «Авангарнды»

Сергей ПОПОВ

АЗБУКА БУКИ

книга стихов

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Гарнитура Myriad Pro
Тираж 250 экземпляров.
Сдано в набор 20.09.2017
Подписано в печать 17.10.2017

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75

Книга издана при участии
ООО «Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, 13
Тел. (499) 152-28-04

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.